

Несмотря на разницу в поколениях, как бы они ни были синхронны, пропасть в возрасте все же ощущалась. К тому же, если судить по человеческим меркам, Баобао находился на переходном этапе от подростка к юноше, в том возрасте, когда требуют от родителей самостоятельности и уважения.

Баобао с обидой спросил у Е Тао:

— Разве от книги испортишься? Да и каким плохим я могу стать? С моими-то данными, неужели я способен похитить красавчика и делать с ним что захочу?

Последствием его необдуманных слов стало то, что Баобао сам себя смутил. В два прыжка он оказался на крыше и, сколько его ни звали, отказывался спускаться.

Чжоу Цзыцянь, не зная всех обстоятельств, поднял голову и посмотрел на него некоторое время, а затем задал вопрос, который не только задел Баобао за живое, но и поставил его в крайне неловкое положение:

— У него, случайно, не течка?

Баобао, который как раз косился на Е Тао своими кошачьими глазами, на секунду замер, а затем с возмущением и стыдом мяукнул:

— Какая еще течка! У какого кота в разгар лета течка?! Да я вообще не кот!!!

Чжоу Цзыцянь, не понимая сути происходящего, обнял Е Тао за плечи и, направляясь в дом, продолжал:

— Ему уже два года? Хотя он и мелковат, но, наверное, уже взрослый. Посмотрим, как сильно он буянит. Если будет сильно — найдем ему кошечку.

Черный кот, оравший на карнизе крыши, подался вперед и чуть не упал вниз, едва не подавившись от злости:

— Я же сказал, это не течка! Если ты притащишь сюда кошку, я... я уйду из дома вместе с дядей Е Тао!!!

Е Тао чуть не схватился за голову:

— Второй господин, пожалуйста, не усугубляйте.

Чжоу Цзыцянь рассмеялся, красиво улыбнулся, нарезал торт и заварил чай. Попивая чай, он сказал Е Тао:

— Я освободил время на послезавтра, пойду с тобой на кладбище.

Послезавтра был день смерти матери Е Тао. Он уже договорился обо всем с Ло Дуном, когда тот приезжал в прошлый раз. Изначально он планировал найти момент, чтобы сообщить об этом Чжоу Цзыцяню, но недавно заболел, и дело отложилось. К его удивлению, Чжоу Цзыцянь оказался настолько внимательным, что даже запомнил такую дату.

Е Тао немного помолчал, прежде чем ответить:

— Спасибо, что ты помнишь об этом, но я уже все устроил, так что не стоит тебя беспокоить.

Только эти слова сразу охладили атмосферу между ними. Мягкость и блеск в глазах Чжоу Цзыцяня померкли, но это была не злость, а скорее легкая досада. Е Тао редко отказывал ему, но каждый такой отказ напоминал о факте: как бы близко они ни были сейчас, они не настоящая пара. Некоторые вещи он мог делать для Е Тао, но другие — нет.

Чжоу Цзыцянь почти восхищался Е Тао. Как бы он ни старался стереть границы между ними, этот, казалось бы, спокойный и добрый мужчина всегда умел твердо их обозначить, не уступая ни на шаг в ключевые моменты.

Глубокой ночью, когда все уже спали, в кабинете во внутреннем дворе все еще горел свет. Чжоу Цзыцянь задремал в кресле, на столе перед ним лежали разложенные документы и недопитый коньяк. Растаявший лед катился по дну стакана, издавая легкий звук.

Чжоу Цзыцянь резко проснулся, инстинктивно схватившись за грудь, в том месте, где находился цветок лотоса. Не было ни липкой крови, ни пятен, белая хлопковая рубашка оставалась чистой, но ощущение, будто его тело пронзило острое лезвие, еще не успело рассеяться.

Смерть всегда пугает живых, и ощущение близости к ней остается особенно ярким. Возможно, такой опыт превращается в страх перед смертью, а может быть, пробуждает демонов, скрытых в глубине души.

В тихой и темной комнате мужчина, сидевший безмолвно, казался призраком, пробравшимся в дом под покровом ночи. Е Тао спал крепко, и Чжоу Цзыцянь смотрел на него. Человек на кровати был таким спокойным, таким прекрасным, словно луч света, способный осветить тьму.

Чжоу Цзыцянь легонько коснулся его незащитной спины, скользя пальцами по мягкой ткани, словно пытаясь удостовериться, не скрываются ли там белоснежные крылья.

Дорогой, ты пришел, чтобы спасти меня? Если нет, то зачем ты появился?

День поминовения матери Е Тао пришелся на пятницу, и Ло Дун, как и обещал, забрал его. Чжоу Цзыцянь не сказал Е Тао, что он не только освободил эту пятницу, но и отменил все планы на выходные, чтобы после посещения кладбища провести с ним пару дней дома.

Кажется, у занятых людей просто не должно быть свободного времени. Чжоу Цзыцянь лишь немного расслабился, как в доме появился гость. Его звали Го Сяочунь, он был ровесником Чжоу Цзыцяня, и они вместе росли в одном переулке. После того как Чжоу Цзыцяня «сослали» в Лондон, их пути разошлись, а затем семья Го продала старый дом и переехала в Канаду, и связь между бывшими друзьями окончательно прервалась.

На этот раз Го Сяочунь вернулся в Столицу вместе с родителями, чтобы навестить родных, и вдруг решил заглянуть в старый дом. Он был поражен: переулок остался тем же, и усадьбы тоже, но теперь они превратились в частные клубы или отели в стиле сыхэюань. Из старых соседей осталась только Семья Чжоу, словно последний оплот на этой улице, превратившейся в туристическую достопримечательность.

— Раз уж вы остались здесь, как последний оплот, то, наверное, максимально сохранили старинный облик? — подумал Го Сяочунь и зашел в гости. Он не ожидал, что Семья Чжоу устроит ему теплый прием, и, если бы Чжоу Цзыцяня не было дома, он бы, наверное, просто выпил чаю и ушел.

Чжоу Цзыцянь не питал особой симпатии к Го Сяочуню. В детстве тот был хулиганом и

задирой, и все мальчишки в переулке от него пострадали. Только Чжоу Цзыцянь удостоился особого отношения, потому что в детстве он был очень милостивым, с нежными чертами лица, белоснежной кожей, мягче, чем тофу. Го Сяочунь обожал его личико и всегда норовил ущипнуть, что вызывало у Чжоу Цзыцяня отвращение, словно он видел перед собой жабу, которую даже пнуть было противно.

С тех пор прошло много лет, и оба изменились. Чжоу Цзыцянь уже не был таким милостивым, как в детстве, и даже стал выше Го Сяочуня, который вырос на говядине и кленовом сиропе. Го Сяочунь изменился во всем, кроме своей глуповатой натуры, которая так и осталась с ним. Он с теплотой вспоминал прошлое, обсуждая с Чжоу Цзыцянем изменения в Столице, этот переулочек и их детство. При этом он с улыбкой заявил, что Чжоу Цзыцянь, несмотря на свою привлекательную внешность, все же «испортился» и стал не таким симпатичным, как в детстве.

Чжоу Цзыцянь сохранял дружелюбную улыбку, но в душе думал: «Ты не изменился, все такой же раздражающий».

Мать Е Тао была похоронена на кладбище за городом, и дорога туда и обратно заняла почти весь день. Е Тао и Ло Дун попали в вечерний час пик на обратном пути, и из-за пробок решили поужинать в городе, чтобы переждать самое напряженное время. Когда Е Тао вернулся, Чжоу Цзыцянь принимал гостей во внутреннем дворе, и непринужденный гость хорошо развлекал хозяина. Лицо Чжоу Цзыцяня, которое, как говорили, «испортилось», уже порозовело от выпитого.

Ло Дун, увидев гостя, не стал присоединяться, просто высадил Е Тао и уехал домой. Е Тао, уставший за день, тоже не хотел участвовать в веселье, но Го Сяочунь, будучи крайне общительным, начал расспрашивать его о том о сем, проявляя невероятную теплоту. Е Тао не мог просто уйти, поэтому старался поддерживать разговор.

Когда этот долгий ужин наконец закончился, было уже за десять вечера. Го Сяочунь был пьян, обнимал Чжоу Цзыцяня за плечи, бормоча что-то о том, что в следующий раз он устроит встречу, и они напьются до упаду. Чжоу Цзыцянь тоже выпил немало, слегка пошатываясь, с одной стороны его поддерживал Го Сяочунь, а с другой — Е Тао. Они кое-как добрались до ворот и наконец усадили гостя в машину.

Как только задние фонари машины исчезли в переулке, Чжоу Цзыцянь сел на ступеньки у входа, растянул воротник и глубоко вздохнул, выпуская запах алкоголя.

Дядюшка Чжоу хотел помочь ему подняться, но он слегка отстранился и четко произнес:

— Подождите, сначала вырву, потом войду.

Е Тао, видя, что он в сознании и может справиться сам, попросил Дядюшку Чжоу зайти в дом, а сам остался с ним, чтобы тот мог протрезветь.

Чжоу Цзыцянь долго пытался вызвать рвоту, но безрезультатно. Внезапно он повернулся к Е Тао и спросил:

— Я действительно испортился?

Е Тао, приглядевшись к нему при свете уличного фонаря, серьезно ответил:

— Нет, не испортился, очень привлекательный. Если бы ты устроил смотр женихов, девушки

бы сломали головы, чтобы поймать твой вышитый мяч.

Чжоу Цзыцянь рассмеялся, но, прежде чем улыбка успела сойти с его лица, он резко изменился в лице.

Е Тао быстро отодвинулся и сказал:

— В другую сторону.

Странно, да? Извините, это последствия просмотра сериала, через пару дней пройдет.

<http://bllate.org/book/17687/1650280>